

Константин СОМОВ

К 65-летию Победы

Война и деньги

«Алтайская правда» продолжает публикацию материалов о том, как бытовал-бедовал наш народ на фронте и в тылу в годы Великой Отечественной. Этот посвящен деньгам.

Мало кто сейчас знает, что во время Великой Отечественной солдаты и офицеры получали зарплату, точнее – «денежное довольствие». Уже 23 июня 1941 года финансовым управлением Наркомата обороны к обычным окладам рядового и офицерского состава прибавились «полевые» деньги. Для бойцов, получавших менее 40 рублей в месяц, прибавка составляла 100% должностного оклада, при 40 – 75 рублях – 50% и свыше 75 рублей – 25%. То есть командир взвода получал всего лишь на четверть больше, чем в мирное время – порядка 800 рублей. (До войны минимальный оклад «взводных» был 635 рублей).

Примечательно, что зарплата на фронте выплачивалась как в обычных частях, так и в штрафных подразделениях – ротах и батальонах.

В своей книге «Правда о штрафбатах» Александр Пыльцын приводит данные о денежных окладах офицеров (командные должности в штрафбатах, не в кино, а в жизни – занимали обычные офицеры, не штрафники. – К.С.):

Командир батальона и его заместитель по политчасти – 1900 рублей.

Заместители командира батальона по строевой части – 1300 рублей.

Начальник штаба батальона – 1200 рублей.

Помощники начальника штаба ПНШ-1 и ПНШ-2 – 1000 рублей.

Командиры рот, их заместители по политчасти – 1000 рублей.

Заместители командиров рот – 900 рублей.

Командиры взводов в ротах, санвзвода (врач), другие ПНШ – 800 рублей.

Фельдшер медпункта батальона – 750 рублей.

Далее Пыльцын пишет:

– Не знаю, какие оклады были установлены в обычных частях действующей армии, но нам было известно, что оклады наших ротных и взводных командиров были на 100 рублей выше, чем в стрелковых батальонах, то есть как в гвардейских. Это и послужило поводом для шутки о том, что наш батальон – «почти гвардейский!».

Действительно, когда 18 сентября 1941 года четыре стрелковые дивизии были преобразованы в гвардейские, во всех этих соединениях была установлена выплата офицерам полуторных, а рядовым – двойных окладов. Такая система действовала и в дальнейшем в отношении всех частей, получивших в ходе войны почетное звание гвардейских. Плюс к этому все бойцы и командиры в этих частях продолжали получать причитающиеся им «полевые» или, как еще говорили, «фронтовые деньги».

В дальнейшем с целью увеличения эффективности действий того или иного рода войск увеличивалось денежное содержание бойцам и командирам, в них вовлевающим. К примеру, в создаваемых специально для борьбы с немецкими танками (главной ударной силой врага на земле. – К.С.) противотанковых полках, дивизионах и батареях с июля 1942 года для их начальствующего состава были установлены полуторные, а рядовому и младшему составу – двойные оклады денежного содержания.

Артиллерист Михаил Черномырдик вспоминал, что «все солдаты и офицеры получали двойной денежный оклад, и нам засчитывалась выслуга лет – полтора года за год в ИПТАПе» (истребительно-противотанковый полк. – К.С.).

В мае 1942-го были установлены повышенные оклады снайперам (с 25 до 200 рублей. – К.С.). До этого они были повышены – в январе 42-го личному составу железнодорожных частей, занятых в восстановительных работах, а еще раньше, в сентябре 1941-го – десанникам (от 15 до 25% основного оклада. – К.С.).

Немаловажно отметить, что деньги эти, как правило, выдавались, причем и во время ведения боевых действий. Армейским финансистам порой приходилось не-

– Не знаю даже, полагались ли нам деньги, может быть, и так. Я лично за всю войну их не видел ни разу. А если бы и видел, все равно рядовому солдату девять их было некуда. У нас на позициях никто не торговал, и за почти трехлетие пребывания на войне я ни разу ничего не купил.

Уже под Берлином в одном лесочке ликвидировали мы большую группу немцев, и когда те, что живые остались, сдались, мы в этом лесочке обнаружили много всякого добра, в том числе целые мешки немецких денег – марок. Знать бы, что после войны нам в Германии жалованье такими давать будут, конечно, прихватили бы с собой мешочек. Но разве все заранее угадаешь...

Еще один рассказ о солдатских

Выплаты должны были производиться только «в случае подтверждения этого наземными войсками, фотосъемками и докладами нескольких экипажей».

5 апреля 1942 года за подписью заместителя народного комиссара обороны генерал-полковника авиации Жигарева выходит в свет «Приказ о премировании личного состава авиамастерских военно-воздушных сил Красной Армии за быстрый и качественный ремонт самолетов и моторов», в котором, в частности, предусматривались следующие выплаты:

«На восстановительный ремонт бомбардировщика – 2000 рублей (200 «зарплат» пехотинца. – К.С.), на текущий ремонт бомбардировщика – 400 рублей. За восстановительный ремонт

истребителя или штурмовика – 750 рублей, за текущий ремонт истребителя или штурмовика – 200 рублей. За восстановительный ремонт мотора – 200 рублей.

Герой Советского Союза летчик Дмитрий Горелов вспоминал:

– За сбитые платили: за истребитель тысячу, а за бомбардировщик две тысячи, за паровоз 900 рублей, за машину 600 рублей. За штурмовки тоже платили. В 1941-м платили за освоение радиосвязи. Но мы в войну деньги не считали. Нам говорили, что нам причитается столько денег. Мы же их никогда не получали, никогда не расписывались, а деньги шли. Тоже дураки были, нужно было оформить переводы родителям, а я об этом узнал, только когда отец умер. В 1944 году мне присвоили Героя и вызвали в Москву получить Звезду. Летчики да и техники, зная, что мы летим и нам нужно ведь будет ее «обмыть», отдали нам свои книжки, по которым мы получили деньги.

В 1942 году орудийным расчетам частей истребительно-противотанковой артиллерии была введена оплата премий за подбитые танки противника. Это не могло, конечно, не вызвать недоумения и даже обид среди обычных артиллеристов, танкистов и пехотинцев, которым порой тоже случалось подбивать и жечь вражескую бронетехнику. В канун Курской битвы, в преддверии ожидавшегося танкового удара новой мощной гитлеровской техники «ошибка» была исправлена, и 24 июня 1943 года вышел в свет «Приказ о поощрении бойцов и командиров за боевую работу по уничтожению танков противника».

Уроженец города Камня-на-Оби Герой Советского Союза Михаил Борисов рассказал:

– Я подбил и 8-й танк (в бою под Курском, за который он и получил звание Героя. – К.С.), но мне его не зачили. Зачили и оплатили только семь. Ведь тогда за подбитый танк давали 500 рублей.

Юрий Стерехин, выпускник Барнаульского пехотного училища:

– В приказе значится: командир орудия Мальцев и наводчик Штыкалов имеют право получить за два подбитых танка тысячу че-

тыреста рублей, командир взвода, то есть двух противотанковых пушек, старший лейтенант Зинченко за три подбитых танка – тысячу пятьсот рублей. Но, конечно, не ради денег старались и рисковали собой люди.

Однако с выплатой «танковой» премии возникали большие трудности. Зачастую было не просто установить, кто именно подбил танк, особенно если огонь по нему вели сразу несколько орудий. Далеко не всегда командиры частей вовремя оформляли так называемые акты подбития. Специальная комиссия финансового управления НКО выявила немало подобных случаев.

Например, во 2-м гвардейском Николаевском корпусе не было оформлено премий за 18 подбитых танков, в 62-й гвардейской стрелковой дивизии – на 25, в 41-й гвардейской артиллерийской бригаде – на 8, в 14-й механизированной бригаде забыли оформить 32 танка и 5 самоходок. Рекорд побил 36-я танковая бригада, где по состоянию на апрель 1945 года не были выплачены премии за 75 танков и 4 самоходки «Фердинанд».

Интересную историю по этому поводу рассказал бывший командир взвода противотанковых орудий, после войны ставший учителем математики, яровчанин Павел Чуйко:

– После боев под Курском летом 1943-го на долю нашего ИПТАПа насчитали около 100 подбитых танков и самоходок, что, конечно, было зна-а-чительным преувеличением. Но дело не в этом, а в том, что за каждый подбитый танк или самоходное орудие врага от государства полагались деньги. Мы провели собрание в полку и решили – денег этих не брать, а перечислить их на закупку автомобилей для нашей части. У нас орудия были на конной тяге. В итоге и денег мы этих не увидели, и на конной тяге путешествовали чуть не до конца войны.

Бывало, однако, и по-другому

Участник боев на Курской дуге бийчанин Василий Белозерцев вспоминал, как еще перед началом тяжелейших боев «...мы самым настоящим образом купили себе батарею противотанковых длинноствольных 45-миллиметровых пушек, способных подкалиберным снарядом пробить любую броню немецкого танка, если вести огонь прямой наводкой. Деньги собирали всей батареей. Телеграмму послали Сталину. И получили от него благодарность и новенькие, только что с завода, пушечки – гордость дивизиона».

Фактически же многие из сослуживцев Белозерцева купили тогда не просто орудия, но билетик на «второй сеанс», поскольку хорошее оружие часто продлевает солдатскую жизнь. Но это случай неординарный, а обычный:

– Мы сидели около своих орудий и томилась в ожидании начала артподготовки, – вспоминает уроженец села Лебяжье Егорьевского района нашего края Семен Соболев. – Играли в карты в очко без всякого азарта и интереса, лишь бы убить время. Кто выигрывал у всех деньги, тут же делил их снова всем поровну, и игра начиналась снова. Деньги не имели цены. Что-то стоила одна только жизнь, да и то про нее окопные остряки говорили: «Жизнь солдата, как детская рубашка – короткая и обос...на», да и висела она на

Москва, 1941 г. Домохозяйки сдают металлолом для нужд обороны страны.

легко. Вот только один из рассказов о деятельности рядового работника «финансового фронта», бывшего начфина 1236-го стрелкового полка 372-й стрелковой дивизии И.Ф.Казанцева:

– До войны я работал заведующим финотделом Крайштинского района (ныне Первомайского) Алтайского края, 22 июня 1941 года проводил совещание сельского актива, а 23-го подал рапорт в военкомат с просьбой отправить меня на фронт – я был офицером запаса.

20 мая 1942 г. командир полка приказал мне получить в дивизионе денег и выдать денежное содержание личному составу полка: «По немцам чувствуюсь, что на днях нам придется принять тяжелый бой». Я получил в финчасти деньги и рано утром 21 мая пошел в болото выдавать денежное содержание. В двух батальонах, которые держали оборону, насчитывалось более 20 штыков, а третий батальон находился по другую сторону болота и сохранился почти полностью.

Кроме командиров, полагались денежные выплаты и красноармейцам. По воспоминаниям уроженки Волчихи снайпера 312-й стрелковой дивизии Зои Некрутовой-Кутыко, «зарплата» рядового составляла 10 рублей. Во время формирования дивизии в Славгороде на рынке за эти деньги можно было купить одно куриное яйцо». (Боец-переменник, по просту сказать, штрафбатовец, получал 8 рублей 50 копеек. – К.С.).

Сослуживец Некрутовой-Кутыко барнаулец Василий Фалалеев рассказывал:

деньгах довелось услышать в Бурле из уст бывшего пехотинца, связиста и повара Михаила Ивановича Валегова (ординарца Виктора Некрасова, автора книги «В окопах Сталинграда». – К.С.):

– Как помню, привозили нам сразу две ведомости. Одна – на получение денежного довольствия, вторая – на перечисление этой суммы в фонд обороны. Подписал в двух местах – и все, свободен. Сколько там нам полагалось, не знаю. Ни мне, ни ребятам это не надо было, так что никто и не смотрел, расписывались да и все.

Рубль за подвиг

Кроме собственно денежного довольствия, полевых, гвардейских и прочих доплат солдатам и офицерам передовой полагались премии «по результатам боевой работы». Впервые они были введены приказом Сталина N 0299 от 19 августа 1941 года «О порядке награждения летного состава военно-воздушных сил Красной Армии за хорошую боевую работу и мерах борьбы со скрытым дезертирством среди отдельных летчиков».

Приказом Верховного главнокомандующего от 17 июня 1942 года с целью ведения более эффективных действий советских истребителей против вражеских бомбардировщиков и «в целях поощрения боевой работы летчиков-истребителей» каждый сбитый вражеский бомбардировщик оценивался в 2000 рублей, транспортный самолет противника – 1500, а истребитель – в 1000 рублей.

«Зарплата» рядового бойца в войну составляла 10 рублей. В тылу на «черном рынке» на них можно было купить... одно куриное яйцо

тонюсенькой ниточке и в любой миг могла оборваться, а до победы было еще так далеко!

Военный налог

В январе 1942 года в стране был введен военный налог. Им облагались граждане допенсионного возраста, в том числе и командный состав частей армии и флота, не участвовавший в боевых действиях. Поступления от этого налога превышали все взимавшиеся до этого налоговые платежи.

Весной 1942 г. были прекращены выплаты денежной компенсации за отмененные на время войны отпуска для всех категорий населения. Государство широко использовало и такую форму привлечения дополнительных денежных средств, как подписка на военные займы и денежно-вещевые лотереи.

Юрий Ильин, заслуженный учитель РСФСР, вспоминает:

– Труд колхозников не оплачивался, работали за трудодни. Если не выработал определенное количество дней – под суд, взял несколько колосков – в тюрьму. Невозможно представить те налоги, которыми обложили крестьянина-колхозника: яйца, шкуры, шерсть, молоко. Мы, ребяташки, поздно вечером носили за два километра на молокозавод с трудом добытые три литра молока.

Дома выращивали табак, сушили его, измельчали и отправляли на фронт. А как происходила подписка на государственный денежный заем! После тяжелого трудового дня, поздно ночью, женщин пригласили в сельский Совет, где уполномоченный из района вел так называемую «беседу по подписке». Держали до утра, принуждали подписаться на боль-

шине было 8 детей). – Налоговые агенты ходили по домам. За неимением денег в домах описывали имущество. У нас в доме брат был нечего, и поэтому агенты описали лампу со стеклом и балалайку. Но этого было недостаточно, недоимка по налогам все росла, и агенты пришли описывать наш дом. Я этот эпизод из нашей печальной жизни и сегодня хорошо помню.

Нас в доме было семь человек, мама плакала, дети испуганно жались друг к другу. Куда нам идти, если отберут дом, не знали. И вдруг мама схватила печную кочегру, стала ею размахивать, с плачем и криком гоня незваных посетителей из дома: «У меня два сына воюют, – кричала она, – я все отдала фронту, а вы детей из дома гоните! Еще раз придете, всех поубиваю!» Это был крик отчаявшейся женщины, которой нечего было уже терять. С тех пор нас не беспокоили налоговые органы.

А мамыны сыны так и не вернулись с войны, погибли, защищая Родину и свою большую семью. Заплатили за все...

На «черном рынке»

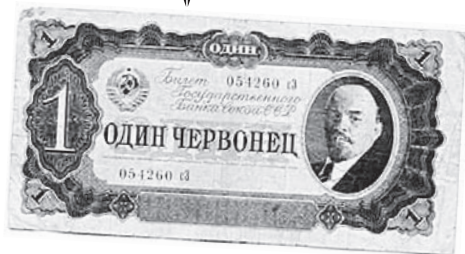
В 1943 году средняя заработная плата промышленных рабочих по сравнению с 1942-м увеличилась на 27%, в первую очередь в металлургии, оборонной и нефтяной индустрии. Зарплата рабочих и служащих угольной промышленности выросла в 2 – 2,5 раза. Однако на благосостоянии семей, учитывая цены «черного рынка», это особенно не отразилось.

– По карточкам давали только хлеб. На рынке же было все, – вспоминает об осени 1941 года в Уральске переехавшая в этот город из Барнаула Юлия Жукова. – Уральцы делились с беженцами всем, что имели: кровом, теплом, скудным продовольствием, одеждой, обувью. Но масло, сахар, чай практически исчезли с нашего стола. На рынке было все. Но если государственные цены на хлеб и другое продовольствие не менялись в течение всей войны, то на рынке они сразу резко подскочили и росли постоянно. Продукты стоили очень дорого. Так, килограмм сливочного масла стоил 1000 рублей, буханка черного хлеба – 200 рублей (для сравнения: моя зарплата на заводе составляла примерно 800-1000 рублей).

Подобная картина наблюдалась в то время, пожалуй, во всех городах страны, разве что цены на продукты и вещи могли несколько разниться.

Лето 1943 года. Челябинск. В «Записках самоходчика» о своем походе на челябинский базар Электрон Приклонский пишет так:

«Получив первую лейтенантскую зарплату (550 рублей), отправился я первым делом на базар, предусмотрительно захватив и запасную пару нового нательного белья, так как понаслышке знал уже о базарных ценах. Весь мой капитал ушел на буханку белого хлеба и литровую банку топленого молока, а белье было обменяно на жестяную коробку мясных, как клятвенно уверял меня небритый мужик, консервов, рыночный номинал которых совпадал с кальсонным и равнялся 300 рублям. После ужина приглашаю своего командира подкрепиться мясом, но, к моему крайнему огорчению и конфу-

Советский червонец образца 1937 года в годы войны был в ходу как на нашей, так и на временно оккупированной врагом территории, где приравнивался к 1 оккупационной марке. Парадокс, но зарплату гитлеровские холуи-полицайи, бургомистры и т.д. получали деньгами с изображением Ленина.

зу, в консервной жестянке оказался горох с небольшим количеством свинины для украшения».

В фонд обороны

Скучное питание, нехватка жилья и всего самого необходимого в сочетании с продолжительным рабочим днем, чрезвычайным налоговым бременем подрывали здоровье людей, негативно сказывались на здоровье будущих поколений. Но и в этих чрезвычайных условиях наш народ сумел проявить свои лучшие качества, среди которых наиболее впечатляющим стала его высокая жертвенность.

Помимо труда на производстве советские люди оказывали помощь фронту в любых доступных им формах. В стране началось движение за создание фонда обороны из добровольных пожертвованных денежных средств и материальных ценностей.

К примеру, главный инженер Бийского маслозавода Д.А. Граников внес присужденную ему Государственную премию в размере 100 тыс. рублей. Всего в фонд обороны за годы войны трудящимися города было собрано более 61 млн. рублей.

По почину тамбовских колхозников в стране развернулось движение по сбору средств на строительство боевой техники и вооружения для армии и флота. Сумма добровольных взносов бийчан в фонд составила 6596 тыс. рублей. Деньги вносили на строительство танковых колонн, авиаэскадрилий, отдельных боевых машин и катеров. Работники депо собрали 82 тыс. руб. на самолет «Бийский паровозник»; вагонники – 25 тыс. рублей, путейцы – 76,2 тыс. руб. на строительство танка «Бийский железнодорожник». Рабочие лесозавода собрали 117 тыс. руб. на строительство самолета «Марина Раскова». Работники управления пожарной охраны – 75 тыс. рублей на самолет «Смерть фашизму» и 72 тыс. руб. на авиаэскадрилью «Алтайский пожарник».

Учителя и школьники города собрали 460 тыс. руб. деньгами и облигациями на строительство самолетов «Комсомолец Алтая», «Пионер Алтая» и авиаэскадрильи «Учитель». От жителей города поступило 2 млн. рублей наличными на строительство авиаэскадрильи «Бийский рабочий», 887 тыс. руб. на танковую колонну «Алтайский колхозник».

Анна Просвирова в годы войны была в детском доме в Ребрихе. Она вспоминает:

– В степях пахали на быках землю, сеяли, сажали овощи, а потом все лето пололи, косили траву, заготавливали дрова. Осенью жали серпами выращенный урожай хлеба, ухаживали за скотом. Все деньги, заработанные на подсобном хозяйстве, передавали в фонд обороны. Туда же направлялись средства, полученные за концерты, которые мы организовали под руководством своих воспитателей в окрестных селах.

Русской православной церковью было собрано свыше 250 миллионов рублей, переданных на нужды обороны. От заключенных ГУЛАГа в фонд обороны поступило: в 1941 году – 250 тысяч рублей, в 1942 – свыше 2-х миллионов, в 1943-1944 годах – 25 миллионов рублей.

На «черном рынке» военных лет купить можно было все. Имелись бы деньги...

шую сумму. И это тех, кто денег вообще не видел, в руках не держал. Мама занимала у сестры, живущей в Барнауле. А осенью рассчитывались, продав лук. Тяжело доставалась копеечка. Нагрузив дома мешки, женщины везли их на коровах до станции Озерки, за 20 километров, там грузили на поезд и везли до Барнаула. Ночевали у знакомых, а утром шли на рынок. Не всегда удачной была продажа. Случалось, что и обкрадывали наших горе-продавцов.

– Непосильным бременем для нашей семьи были налоги, – рассказала проживавшая во время войны в селе Карпиловка Табунского района Зинаида Сапегина (в